

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ

К.П. Боришполец

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Статья посвящена роли русского языка в Центральной Азии и перспективам развития его ресурсов в контексте евразийских интеграционных процессов. Русский язык в Центральной Азии имеет давнюю историческую традицию. Не утратил он своей значимости даже на фоне нескольких волн «дерусификации», прокатившихся после 1991 г. Несмотря на снижение статуса в публичной сфере, он сохраняет существенную общественную значимость, причём за годы независимости распространение русского языка среди титульного центрально-азиатского населения значительно сократилось лишь в Туркмении. Его позиции как активного коммуникативного ресурса обеспечиваются: социальной традицией; конкурентоспособностью русскоязычного образования; преимуществами «двуязычного» бизнеса; потребностями трудовых мигрантов; интересами кадрового обеспечения и рядом других прагматических соображений, роль которых в контексте продвижения Евразийской экономической интеграции будет возрастать.

Несмотря на трудности, говорить об упадке русского языка в Центрально-Азиатском регионе преждевременно. В упадке находятся скорее многие институты, обеспечивающие его сохранение и дальнейшее продвижение. Поэтому на повестке дня стоят новые масштабы и формы практической работы, в которой заинтересована не только Россия, но и страны Центральной Азии. Показательно, что давление на ресурсы русского языка в регионе только повышает вероятность межнациональных конфликтов и ведёт к усилению позиций политического радикализма в Центрально-Азиатском регионе. Консолидация пространства русского языка в этом регионе в ближайшие годы будет всё больше зависеть от специализированных и адресных проектов, реализуемых посредством негосударственных образовательных структур, учреждений культуры, СМИ, доступных и интересных для представителей титульного населения. В этой связи ключевым связующим звеном обоих профильных направлений выступают программы подготовки педагогических кадров с привлечением представителей всех народов Центральной Азии.

Ключевые слова: Россия, русский язык, Центральная Азия, языковая политика, информационные ресурсы, образование, «мягкая сила».

■ Международные отношения

Роль русского языка в современном мире постоянно обсуждается общественностью, экспертами и политиками, вызывая к жизни самые различные суждения. Однако в профильной литературе ощущается нехватка комплексных исследований на центральноазиатском направлении, которое играет всё более важную роль в мировой политике. С целью развития изучения «языкового вопроса» в странах Центрально-Азиатского региона в настоящей статье предлагается сосредоточить основное внимание на потенциале русского языка в контексте интеграционных процессов в СНГ. Одновременно в ней учитываются данные авторитетных аналитических публикаций и текущие информационные сообщения.

Реальные тенденции и общие направления

Распространение русского языка в Центральной Азии имеет давнюю историческую традицию и остаётся важным моментом социально-политического бытия центральноазиатских обществ. Он является родным языком значительной части (более 10%) населения региона, доминирует как средство межнациональной коммуникации, вносит вклад в развитие общего цивилизационного пространства новых независимых государств. Его современный статус специалисты оценивают, как правило, исходя из положений странового законодательства и численности граждан, в той или иной степени владеющих этим языком.

Считается, что русскоязычное пространство Центральной Азии можно разделить на два ареала, к первому из которых относятся Казахстан и Киргизия, а ко второму – Таджикистан, Туркмения и Узбекистан. В частности, Н. Мендкович, опираясь на результаты социологических опросов, проводившиеся по линии компании "Gallup", приводит следующие данные относительно региональной русскоязычной практики: «Процент тех, кто утверждает, что так или иначе владеет русским, в Казахстане – 99,9%, Киргизии – 87,1%, Таджикистане – 68,5%, Узбекистане – 99,2%; доля тех, кто считает, что свободно владеет русским, в Казахстане – 89,6%, Киргизии – 60,5%, Таджикистане – 41,2%, Узбекистане – 99,2%; доля тех, кто предпочёл общаться с социологом на русском: в Казахстане – 68%, Киргизии – 38%, Таджикистане – 5%, Узбекистане – 0» [1].

Согласно другим публикациям, «на сегодняшний день русским языком владеют 84% жителей Казахстана, 49% – Киргизии, 41% – Узбекистана, 33% – Таджикистана и всего 18% – Туркмении... Правда, степень владения языком может быть различной – от умения читать и писать до способности связать всего несколько слов. Более адекватно выглядят данные о числе активно владеющих русским языком. Если в Казахстане таких насчитывается 72%, то в Киргизии – 36%, Узбекистане – 14%, а в Таджикистане и Туркмении – всего 12%. Вообще не владеют

русским языком 16% жителей Казахстана, 50% – Киргизии, 59% – Узбекистана, 67% – Таджикистана и 82% – Туркмении» [2].

Таким образом, русский язык в Центрально-Азиатском регионе, как, впрочем, и в советский период, распространён неравномерно. Наиболее широко он представлен в Казахстане, а в других странах в два-три раза уступает казахстанским показателям. Но, помимо констатации общей корреляции масштабов распространения русского языка с численностью этнических русских и других представителей славянских народов, мы можем отметить, что его функциональный ареал выходит за рамки этнических границ и обретает де-факто роль гражданского коммуникационного ресурса, достаточно широко распространённого среди титульного населения стран Центральной Азии. Такая ситуация сохранится в пределах среднесрочной перспективы, но в дальнейшем, на фоне смены поколений, вероятно падение значимости коммуникационного потенциала русского языка по сравнению с нынешним периодом.

Тем не менее необходимо обратить внимание и на ещё одну количественную характеристику сложившейся ситуации: сравнение численности полностью не владевших русским языком представителей титульного населения, постоянно проживавших на территории Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана накануне распада СССР, с аналогичными современными показателями. Исходя из данных Всесоюзной переписи 1989 г., русским языком абсолютно не владело 37% казахов, 63% киргизов, 70% таджиков, 72% туркмен, 87,7 узбеков. В своём большинстве это были жители периферийных сельских районов, редко выезжавшие в крупные городские центры и, как правило, сосредоточенные в южном сегменте территории своей страны. Что касается современного положения дел, то, по авторитетным оценкам, «вообще не владеют русским языком 16% жителей Казахстана, 50% – Киргизии, 59% – Узбекистана, 67% – Таджикистана и 82% – Туркмении» [2].

Другими словами, за годы независимого развития во всех странах Центрально-Азиатского региона, за исключением Туркмении, представительство русского языка среди титульного населения расширилось. Вероятно, на массовом уровне степень «лингвистической» компетенции относительно ниже, чем в конце советского периода, когда все школьники СССР отработывали на уроках сложные грамматические правила и писали сочинения на тему первого бала Наташи Ростовской. Но тем не менее русский язык не утратил своей привлекательности в большинстве центральноазиатских стран даже на фоне нескольких волн «дерусификации», прошедших после 1991 г. Его позиции обеспечены не только «социальной традицией», но и конкурентоспособностью русскоязычного образования, позитивными перспективами бизнеса, потребностями трудовых мигрантов и рядом

других прагматических соображений. Их роль в контексте продвижения проекта Евразийской экономической интеграции будет и дальше возрастать.

В целом говорить об упадке русского языка в Центральной Азии сейчас преждевременно. В упадке находятся скорее многие институты, обеспечивающие его сохранение и дальнейшее продвижение в местных обществах. Они создавались в расчёте на планомерно растущий приток учащихся, зрителей и так далее, то есть на стабильную социальную аудиторию и поддержку государственной власти. Сегодня оба эти фундаментальных условия по объективным причинам минимизированы. Необходимы новые масштабы и формы практической работы.

Условия, факторы и перспективы

В странах Центрально-Азиатского региона положение русского языка характеризуется вариативностью условий, ситуаций и перспектив. Необходимо отметить, что русский язык начал утрачивать свои лидирующие позиции ещё до развала СССР, когда в республиканских конституциях впервые был зафиксирован государственный статус титульных языков. В законах о языке, принятых союзными республиками Средней Азии в 1989 г. (в Туркмении – 1990 г.), русскому языку определены различные функциональные уровни¹, которые в целом гарантировали его значимую общественную роль, вплоть до использования в официальном документообороте (Казахстан, Киргизия, Таджикистан).

Однако в дальнейшем эта роль часто не обеспечивалась реальной государственной поддержкой, периодически подвергалась критике, в том числе с парламентской трибуны, и в ряде случаев откровенно игнорировалась. Противоречивым по своим последствиям стал также переход Туркмении и Узбекистана на латинскую графику, который формально приближает население к глобальному информационному пространству (скорее к его турецкому сегменту), но в то же время отсекает доступ нынешней молодёжи и будущих поколений граждан к достижениям национальной науки и культуры XX в., отдаляет от партнёров в СНГ.

Несмотря на то, что прямое давление со стороны националистических кругов к середине прошлого десятилетия относительно ослабело, в последние годы положение русского языка в странах Центральной Азии вновь сталкивается с серьёзными вызовами. «Во многом это связано с внутренними процессами становления государств, элиты которых, почувствовав себя увереннее, стали проводить более радикальную языковую политику» [3]. Хотя предпринятая в 2009 г. попытка таджикского руководства исключить из законодательства определение русского языка как языка межнационального общения закончилась неудачей и обусловила принятие спустя два года «восстанавливающих» законодательных поправок, стремление части правящих кругов центральноазиатских стран радикально ограничить русскоязычное пространство заметно активизируется. В настоящее время ресурсы русского языка, развиваются главным образом за счёт сохранения доступа молодёжи к русскоязычному образованию, в частности к высшему², и распространённости русскоязычных СМИ. Растущим по своей значимости ресурсом является также русскоязычный Интернет.

Языковая политика в странах Центрально-Азиатского региона имеет свои особенности. Как полагают эксперты, «в странах, которые являются действующими членами ТС (Казахстан), кандидатами на присоединение к нему (Киргизия) или возможными участниками (Таджикистан), отношение к русскому языку более бережное, чем в Узбекистане и Туркмении, которые о вхождении в состав союза даже не думают» [4]. Однако на практике ситуация выглядит не столь однозначной. В частности, большой общественный резонанс вызывают намеченный на 2025 г. переход Казахстана на латинскую графику и лоббирование рядом киргизских парламентариев решений об исключении русского языка из официальной сферы, дискуссии о смене кириллицы на арабскую или латинскую графику в Таджикистане. В то же время в Узбекистане, где русская диаспора существенно сократилась и где законодательно определён только статус узбекского языка, работает почти тысяча школ с циклом преподавания на русском языке. В стране издаётся много русскоязычной перио-

¹ **Казахстан:** согласно ст. 7 Конституции Республики Казахстан 1995 г., «в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским языком официально употребляется русский язык», что закреплено в Законе «О языках в Республике Казахстан» от 11 июля 1997 г.; **Киргизия:** согласно ст. 5 Конституции Киргизской Республики 2007 г. и Закон «Об официальном языке Киргизской Республики» 2000 г., русский язык имеет статус официального языка, используется в государственном делопроизводстве. **Таджикистан:** согласно Конституции Республики Таджикистан 1994 г., русский язык имеет статус языка межнационального общения. В 2009 г. был принят Закон «О государственном языке Республики Таджикистан», в соответствии с которым русский язык терял статус языка межнационального общения, однако в 2011 г. с принятием законодательных дополнений этот статус был восстановлен. **Туркмения:** статус русского языка законодательно не определён. **Узбекистан:** статус русского языка не определён. Составлено по: <http://www.rian.ru/society/20090723/178413163.html>

² Важную роль для русскоязычного высшего образования в Центральной Азии играют совместные университеты: Российско-Киргизский (славянский) университет и Российско-Таджикский (славянский) университет.

■ Международные отношения

дики (несколько десятков газет и журналов), функционируют более семнадцати культурных центров, регулярно проводящих тематические конференции. С ноября 2012 г. был отменён запрет на использование русского языка при оформлении документов при регистрации актов гражданского состояния. Примечательно, что педагоги русскоязычных школ и вузов систематически обсуждают профессиональные возможности улучшения развития русскоязычного обучения и, следовательно, не теряют уверенности в том, что запрос на их работу сохранится в обозримом будущем. В целом же, несмотря на постоянно отмечаемые трудности, русский язык в Узбекистане сохраняет важные общественные позиции и не стал инструментом общения исключительно в среде населения, имеющего славянские корни.

Опыт Узбекистана доказывает, что, несмотря на все негативные моменты, целесообразно учитывать более широкий социальный контекст ресурсов русского языка в странах Центральной Азии. Вероятно, в ближайшем будущем их востребованность будет определяться преимущественно экономическими факторами, в частности масштабами трудовой миграции представителей титульных наций в Россию. Однако, как представляется, экономика не исчерпывает всего комплекса условий, определяющих формирование коммуникационных ареалов русского языка в Центрально-Азиатском регионе.

Значимость русского языка в центрально-азиатских странах лишь частично определяется долей русского сегмента в национальном составе населения. Отсутствие такой корреляции наиболее наглядно проявляется в Таджикистане, а также в Киргизии, где, несмотря на массовый отток этнических русских, сохраняется высокая популярность русскоязычных СМИ. Местная русскоязычная периодика укрепила в истекшем десятилетии свои позиции в Казахстане и отчасти в Узбекистане. Фактически только в Туркменинии произошло обвальное сокращение изданий на русском языке. Другими словами, несмотря на рост сегментов информационного рынка, представленных периодикой на титульных языках стран Центральной Азии, конкурентоспособность русского языка в сфере коммуникации и культуры в большинстве случаев сохранилась и обладает значительным запасом прочности.

В этой связи можно заключить, что на процессы сужения пространства русского языка, наблюдаемые в публичной сфере стран Центрально-Азиатского региона, в большей степени влияет не массовый выбор, а действия властей, которые стремятся избежать политической конкуренции со стороны радикальной этнократии. Это особенно наглядно проявляется в Казахстане и Киргизии. Однако следование линии давления на ресурсы русского языка повышает вероятность не только межнациональных конфликтов, но и общего падения культурно-образовательного уровня всего на-

селения, и, следовательно, сужение социальной базы современных режимов. Самыми катастрофическими последствиями этот процесс грозит в зоне периферийных городов и сельской местности, где идёт рост социальных слоев, к которым традиционно апеллируют исламисты. Таким образом, поддержка ресурсов русского языка выступает реальным фактором государственной консолидации центральноазиатских стран и политической стабильности российских партнеров [5].

Страновые характеристики языковой политики

Языковая политика относится к важным направлениям государственного строительства стран Центрально-Азиатского региона, которому уделяется постоянное внимание со стороны руководства и общественности. Однако оптимальная формула рационального функционального баланса между государственным и русским языками, как представляется, пока окончательно не найдена.

В Казахстане со значительными противоречиями столкнулось, в частности, проведение в жизнь утверждённой в 2001 г. «Государственной программы функционирования и развития языков на 2001—2010 гг.». Официальные представители правительства и президент Н. Назарбаев в своих публичных выступлениях дают гарантии продолжения ведения делопроизводства на государственном казахском и русском как языке межнационального общения. Они подтверждают, что русский будет сохранять все функции языка межнационального общения и опровергают предположения о его вытеснении из публичной сферы.

Такой подход обусловлен не только стремлением избежать напряжённости между различными национальными группами казахстанских граждан, но и отвечает интересам большинства этнических казахов-горожан, которые активно используют русский язык и русскоязычные информационные ресурсы в своей повседневной жизни. Тем не менее принятая модель эволюционного и постепенного расширения функционирования государственного языка вызвала недовольство как со стороны представителей русской части населения Казахстана, критикующей административные форматы её внедрения без учёта специфики северных регионов и крупных городских центров, так и влиятельной части титульных элит страны.

С 2008 г. на фоне расширения дискуссий об ориентирах казахстанской экономики и углубления интеграционного сотрудничества по линии Таможенного союза усилились и противоречия в подходах к языковой политике. Заявление премьер-министра К. Масимова о том, что русский язык ни при каких условиях не станет вторым государственным языком Казахстана, не удовлетворил сторонников активного внедрения казахского языка во все сферы жизни

страны, которые начали проводить различные публичные акции. Со своей стороны русскоязычное население стало регулярно заявлять об ущемлении своих конституционных прав, в том числе из-за игнорирования его представителей при обсуждении «языкового вопроса» в органах государственной власти, отстранения от участия в проведении образовательной политики на местах, отсутствия поддержки изучения казахского языка с учётом специфики северных русскоязычных областей. Важным этапом в казахстанской языковой политике стала актуализированная с 2007 г. на государственном уровне идея президента Н.Назарбаева о языковом триединстве.

«Триединство языков» – это изучение казахского языка как государственного, русского – как языка межнационального общения и английского – как языка успешной интеграции в глобальную экономику. Создание равных условий для изучения трёх обозначенных языков не означает равной сферы их функционирования, равной функциональной нагрузки и, наконец, их равного статуса. При этом акцент сделан на педагогической составляющей данного культурного проекта, которая в полной мере может быть обозначена как полиязычное образование» [6]. В последние годы идея языкового триединства активно пропагандируется официальными структурами. Ожидается, что её реализация укрепит общественное согласие и одновременно повысит международную конкурентоспособность Казахстана, вступившего на путь экономической модернизации.

Однако практическое проведение официального подхода связано с большими затратами, сталкивается с нехваткой преподавательских кадров и вряд ли позволит в ближайшем будущем сократить культурно-образовательный разрыв между городскими и сельскими слоями титульного населения. Поэтому в краткосрочной перспективе основной прикладной эффект этого направления языковой политики возможен:

- во-первых, за счёт подтверждения стремления Казахстана к широкому международному сотрудничеству не только на региональном, но и на глобальном уровне;

- во-вторых, за счёт придания дополнительного измерения дебатам о переводе казахской графики на латиницу, против которого настроено не только русскоговорящее население, но и активно выступают многие авторитетные деятели культуры, высказывающиеся в поддержку государственного языка.

Снизить накал гражданских страстей отчасти удалось благодаря выступлению президента Н. Назарбаева, который в декабре 2012 г. в Караганде заявил: «Постепенно казахский язык в Казахстане станет главным и со временем будет всех объединять, но терять русский язык нам нельзя...» [7]. Тем не менее вызовы поляризации настроений в сфере языковой политики

сохраняются и постоянно находятся в фокусе внимания главы казахстанского государства.

В Киргизии отмечается значительная нестабильность позиций русского языка. В 2011 г. Р. Отунбаева, занимавшая в переходный период пост президента Киргизии, предложила отказаться от обучения на русском языке, что инициировало острую общественную дискуссию. В апреле этого же года парламент принял постановление «О комплексных мерах по реализации норм Закона Кыргызской Республики о государственном языке», которое было направлено на расширение его целевой поддержки в публичной сфере. Считалось, что таким образом центральным властям удастся завоевать симпатии титульных региональных элит, что было крайне важно в контексте политической и клановой разобщённости киргизского населения.

Линия включения языкового вопроса в актив административной вертикали продолжилась и при действующем президенте А. Атамбаеве. В 2013 г. на законодательном уровне было принято постановление «О мерах по обучению государственных и муниципальных служащих государственному языку и переводу делопроизводства на государственный язык». Учитывая, что этот документ был воспринят как ущемляющий права русскоязычных граждан, появились правительственные разъяснения, подтверждающие, что государственное делопроизводство будет вестись на киргизском языке с параллельным переводом на русский и что все правовые акты будут публиковаться на двух языках.

Таким образом, положение русского языка в Киргизии можно определить как включённость в систему государственного билингвизма, что недавно было подтверждено в ходе парламентской дискуссии относительно языка депутатских выступлений. Тем не менее вопрос о русском языке остаётся политизированным и не застрахован от националистических спекуляций при продвижении Киргизии по евразийской траектории.

Ситуация с русским языком в **Таджикистане**, где он является первым и родным только для незначительной части населения, ещё более противоречива, чем в Казахстане и Киргизии. В русскоязычное пространство интегрированы многие городские жители, трудовые мигранты, а также почти четверть таджикских граждан, являющихся этническими узбеками и киргизами. Для всех этих категорий населения русский язык выступает основой межнационального и межкультурного общения.

Однако за годы независимости базовые условия распространения русского языка существенно ухудшились. Из ста работавших в прошлом общеобразовательных школ с русским языком обучения к 2011 г. было закрыто более восьмидесяти. Преподавание русского языка как иностранного также затруднено, поскольку уехали учителя, резко сократились учебные часы, устарели или просто утрачены необходи-

■ Международные отношения

мые учебники. Поэтому регулярно поступающие сообщения о росте востребованности русскоязычных СМИ, восстановлении прерванного по инициативе таджикских властей вещания «РТР-Планета», открытии центров обучения русскому языку для мигрантов и других позитивные моменты не могут сформировать оптимистичные представления о перспективах распространения русского языка и культуры в Таджикистане. Пока речь идёт лишь о минимально возможной защите его позиций, которая не подкреплена в должной степени политической волей президента Э. Рахмона.

В Туркмении, где проживает более 100 тысяч русскоязычных граждан, положение русского языка является, вероятно, наиболее сложным по сравнению с другими центральноазиатскими странами. Хотя все туркменские дети наряду с английским изучают с первого класса русский, в стране действует только одна школа с полным циклом обучения на русском языке. Русскоязычное образование находится в упадке, поскольку в Туркмении не осталось вузов, готовящих школьных преподавателей, а с 2013 г. было полностью прекращено обучение на русском языке в туркменских вузах [8].

Не менее серьёзные ограничения испытывают и русскоязычные информационные ресурсы. Туркмения первой среди центральноазиатских стран ввела ограничения на русскоязычные СМИ. С 2002 г. была запрещена доставка российских изданий, а с 2004 г. прекращено вещание радиостанции «Маяк». На современном этапе в Туркмении действует один русский драматический театр и выходит только одна ежедневная газета на русском языке – «Нейтральный Туркменистан» тиражом около пяти тысяч экземпляров. В русскоязычных версиях регулярно публикуются законодательные акты туркменского парламента – «Ведомости Меджлиса Туркменистана» и указы президента – «Собрание актов Президента Туркменистана», ведётся русскоязычная трансляция государственного телеканала «Туркменистан». Однако основные информационные потоки, в которых участвуют туркменские граждане, формируются преимущественно за счёт спутникового телевидения и электронных ресурсов. Вместе с тем характерно, что по своим коммуникационным возможностям русский язык в Туркмении не намного уступает туркменскому и практически повсеместно представители титульного населения понимают русскую речь [9].

В Узбекистане позиции русского языка, как и в других странах Центрально-Азиатского региона за годы независимости ослабли. Сегодня из общей численности населения более 30 миллионов человек этнические русские составляют примерно 1 миллион узбекских граждан, из которых половина проживает в Ташкенте. Продолжается массовый отток русскоязычного населения, мотивированный, по мнению

экспертов, не только экономическими причинами, но и последствиями «дерусификации», сказывающейся на карьере, образовательной и информационной среде, а иногда и на бытовом уровне. В то же время сокращение численности русскоязычного населения де-факто снизило распространённость русского языка во всех сферах жизни Узбекистана и привело к сужению его пространства в лингвистическом и социальном измерениях. В частности, функции межнационального общения на периферии де-факто переносятся на узбекский.

Размывание позиций русского языка происходит и в связи с переходом узбекской графики с кириллицы на латиницу, впрочем ещё не завершённый. Признаком дальнейшего снижения статуса русского языка стало и введение в школах с сентября 2013 г. преподавания английского с первого класса, в то время как преподавание русского начинается только со второго. Подобный разворот событий усиливает неопределённость в вопросах языковой подготовки узбекских трудовых мигрантов, регулярно направляющихся на работу в Россию и Казахстан. В то же время в Узбекистане сохраняются кадровые возможности для поддержания пространства русского языка, поскольку подготовку специалистов по русскому языку и литературе ведут восемнадцать вузов страны. В целом русский язык в Узбекистане остаётся востребованным общественным ресурсом, возможности которого значительно недооцениваются в рамках официальной языковой политики.

Популярные высказывания относительно «ухода» русского языка из Центрально-Азиатского региона в значительной степени относятся к жанру гипотетических утверждений. Однако необходимо учитывать состоявшиеся и текущие изменения ситуации. Включение потенциала русского языка в систему взаимодействия России и стран-партнёров вряд ли может строиться по единому региональному образцу. Общей, скорее всего, должно стать только установление на оптимизацию подходов к планированию языковой политики в том, что касается большей дифференциации мер по защите прав соотечественников и форматов, ориентированных на продвижение русского языка в среде титульного населения.

Консолидация пространства русского языка в Центрально-Азиатском регионе в ближайшие годы будет всё больше зависеть от специализированных и адресных проектов, реализуемых посредством негосударственных образовательных структур, учреждений культуры, СМИ, доступных и интересных для представителей титульного населения. В этой связи ключевым связующим звеном обоих профильных направлений выступают программы подготовки педагогических кадров с привлечением представителей всех народов Центральной Азии.

Список литературы

1. Мендкович Н. Русский язык в Средней Азии и на Южном Кавказе [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1361478180-22.02.2013>
2. Центральная Азия: русский язык как фактор интеграции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.stanradar.com/news/full/6662-tsentrálnaja-azija-russkij-jazyk-kak-faktor-integratsii.html-19.12.2013>
3. Русский язык в Центральной Азии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusedin.ru/2009/12/24/russkiy-yazyk-v-tsentrálnoy-azii/>
4. Васильев С. Центральная Азия: русский язык как фактор интеграции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.materik.ru/rubric/detail.php?ID=17330-30.12.2013>
5. Боришполец К. Политическое измерение русского языка // Национальные интересы. 2008. № 3.
6. Жетписбаева Б.А., Аринова О.Т. От идеи «Триединство языков» Н.А. Назарбаева до полиязычного образования в Казахстане. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://articlekz.com/node/1411>
7. Постепенно казахский язык в Казахстане будет главным, но терять русский язык нам нельзя – Н. Назарбаев [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.zakon.kz/4528326-postepenno-kazakhskij-jazyk-v.html>
8. В туркменском институте культуры свернули обучение на русском [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.turkmenistan.russian-club.net/news_show_31932.html-13-09-13
9. Русский язык в Туркменистане [Электронный ресурс] // Новости Туркменистана. Режим доступа: <http://infoabad.com/forum/thread448.html> 16.10.2012

Об авторе

Боришполец Ксения Петровна – к.полит.н., профессор кафедры мировых политических процессов, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований МГИМО(У) МИД России.

Статья выполнена в рамках гранта РГНФ.

RUSSIAN LANGUAGE IN THE CENTRAL ASIA REGION

K. Borishpolets

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *The article is devoted to the role of the Russian language in Central Asia and its development perspectives in the context of the Eurasian integration processes. Russian language has a long historical tradition in Central Asia and hasn't lost its importance even at the background of two waves of "derussification" that took place after 1991. Notwithstanding the decrease of the status, it keeps substantial public significance. During last two decades only in Turkmenistan we are witnessing the decrease in spreading of the Russian language among title population of the Central Asia region.*

Its positions as an active communication channel is secured not only by the social tradition, but also by the competitiveness of the Russian language education, advantages of the bilingual business, requirements of the labor migrants, HR interests and by some other pragmatic thoughts, which role within the context of Eurasian economic integration will increase.

Despite the difficulties, it is too early to speak about the decrease of the Russian language in the Central Asia region. It is more likely that the institutes itself that maintain it and promoting it are at the low ebb.

New scales and forms of practical work that is interested not only for Russia, but also Central Asia countries are required. Pressure on the resources of the Russian language increases the possibility of ethnic conflicts and strengthens the positions of political radicalism in Central Asia region.

Key words: Russia, Russian language, Central Asia, language policy, informational resources, education, "soft power".

References

1. Mendkovich N. Russkij jazyk v Srednej Azii i na Juzhnom Kavkaze [Mendkovich N. The Russian language in Central Asia and Caucis] // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1361478180-22.02.2013>
2. Central'naja Azija: russkij jazyk kak faktor integracii [Central Asia: Russian Language as a Factor of Integration] // URL: <http://www.stanradar.com/news/full/6662-tsentralnaja-azija-russkij-jazyk-kak-faktor-integratsii.html-19.12.2013>
3. Russkij jazyk v Central'noj Azii [Russian Language in Central Asia] // URL: <http://rusedin.ru/2009/12/24/russkiy-yazyk-v-tsentralnoy-azii/>
4. Vasil'ev S. Central'naja Azija: russkij jazyk kak faktor integracii [Central Asia: Russian Language as a Factor of Integration] // URL: <http://www.materik.ru/rubric/detail.php?ID=17330-30.12.2013>
5. Borishpolec K. Politicheskoe izmrenenie russkogo jazyka // Nacional'nye interesy/ T.3, 2008/[Ksenia P. Borishpoletz. Political Dimension of the Russian Language Issue // National Interests. Vol. 3, 2008].
6. Zhetpisbaeva B.A., Arinova. O.T. Ot idei «Triedinstvo jazykov» N.A.Nazarbaeva do polijazychnogo obrazovanija v Kazahstane [From President Nasarbaev Idea about “Triple-Unity of Languages” to Multilanguage education in Kazakhstan] // URL: <http://articlekz.com/node/1411>
7. URL: <http://www.zakon.kz/4528326-postepenno-kazahskij-jazyk-v.html>
8. URL: http://www.turkmenistan.russian-club.net/news_show_31932.html-13-09-13
9. URL: <http://infoabad.com/forum/thread448.html> 16.10.2012

About the author

Borishpolets Ksenia Petrovna – PhD in Political Studies, Professor of Chair of World Political Processes, the Leading Researcher of the Center of Post-Soviet Researches of MGIMO (At) the MFA of Russia.